

Марк Твэн
ПРИНЦ и НИЩИЙ

Mark Twain
The PRINCE and The PAUPER

Mark Twain
The PRINCE *and* The PAUPER

Марк Твэн
ПРИНЦ и НИЩИЙ

Mark Twain

The PRINCE
— *and* —
The PAUPER

A TALE FOR YOUNG PEOPLE OF ALL AGES

Kiev
Stanitsa Publishers
2017

Марк Твэн

ПРИНЦ
— *и* —
НИЩИЙ

СКАЗАНИЕ ДЛЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ

Киев
Издательство «Станица»
2017

УДК 821.111(73)
ББК 84.7 США
Твэ29

Художник *Оксана Здор*

Текст оригинала печатается по изданию:
Mark Twain
THE PRINCE AND THE PAUPER
London "Chatto & Windus", 1910

Твэн М.

Твэ29 Принц и нищий : историко-приключенческая повесть. На английском языке с параллельным русским текстом. / Перевод с английского Ю. И. Горulyко-Шестопалова. — К. : Станица. 2017. — 367 с.

ISBN 978-5-8218-0025-0

Книгу составляет повесть классика американской литературы Марка Твэна (1835–1910) о юном короле Англии Эдуарде VI, основанная на историческом сюжете. Описываемые события относятся к XVI столетию. Произведение написано в 1881 году. Однако и сегодня оно остаётся одним из наиболее любимых и ярких приключенческих произведений в мире.

Юный принц и будущий монарх, до поры абсолютно не представлявший, с какими бедами и горестями сталкиваются простые подданные его королевства, по воле прихотливого случая оказывается в низших слоях общества. Он мыкается среди нищих и воров, живёт среди крестьян, попадает в лапы к безумному религиозному фанатику, проходя при этом испытание голодом, холодом и одиночеством. И этот урок Эдуард Тюдор постигает не напрасно. «Королям, — искренне признается он, — должно посещать школу собственных законов, учась милосердию».

Художественный перевод неадаптированного английского текста на русский язык способствует лучшему пониманию оригинала произведения, а параллельная визуализация ускоряет набор и закрепление лексики в памяти. В целом это уменьшает необходимость использовать словарь, экономит время и не отвлекает от чтения.

Книга также будет полезна и для носителей английского языка, изучающих русский язык.

Издание включает примечания автора и снабжено примечаниями издательства к тексту.

УДК 821.111(73)
ББК 84.7 США

ISBN 978-5-8218-0025-0

© Перевод. Юрий Горulyко-Шестопалов, 2017
© Составление, художественное оформление.
Т.о.о. Станица-Киев, 2017

To those good-mannered
and agreeable children
Susie and Clara Clemens
this book
is affectionately inscribed
by their father.

Воспитанным
и послушным деткам,
Сузи и Кларе Клеменс,
эту книгу
с любовью посвятил
их отец.

CONTENTS

	Preface	10
1	The Birth of the Prince and the Pauper	10
2	Tom's Early Life	12
3	Tom's Meeting with the Prince	20
4	The Prince's Troubles Begin	30
5	Tom as a Patrician	38
6	Tom Receives Instructions	50
7	Tom's First Royal Dinner	62
8	The Question of the Seal	68
9	The River Pageant	72
10	The Prince in the Toils	76
11	At Guildhall	92
12	The Prince and His Deliverer	100
13	The Disappearance of the Prince	118
14	«Le Roi est Mort — Vive le Roi» ¹	126
15	Tom as King	146
16	The State Dinner	164
17	Foo-Foo the First	170
18	The Prince with the Tramps	188
19	The Prince with the Peasants	202
20	The Prince and the Hermit	210
21	Hendon to the Rescue	220
22	A Victim of Treachery	228
23	The Prince a Prisoner	238
24	The Escape	244
25	Hendon Hall	248
26	Disowned	260
27	In Prison	268
28	The Sacrifice	284
29	To London	290
30	Tom's Progress	294
31	The Recognition Procession	298
32	Coronation Day	308
33	Edward as King	328
	Conclusion. Justice and Retribution	342
	Notes	348

СОДЕРЖАНИЕ

	Предисловие	11
1	Рождение принца и нищего	11
2	Раннее детство Тома	13
3	Встреча Тома с принцем	21
4	Начало невзгод принца	31
5	Том в роли патриция	39
6	Том получает наставления	51
7	Первый королевский обед Тома	63
8	Вопрос о печати	69
9	Праздество на реке	73
10	Принц в западне	77
11	В ратуше	93
12	Принц и его избавитель	101
13	Исчезновение принца	119
14	«Le Roi est Mort — Vive le Roi» ¹	127
15	Том в роли короля	147
16	Торжественный обед	165
17	Фофан Первый	171
18	Принц среди бродяг	189
19	Принц среди крестьян	203
20	Принц и отшельник	211
21	Хэндон приходит на помощь	221
22	Жертва вероломства	229
23	Принц арестован	239
24	Бегство	245
25	Хэндон-Холл	249
26	Отринутый	261
27	В тюрьме	269
28	Жертвоприношение	285
29	В Лондон	291
30	Успехи Тома	295
31	Ход возведения	299
32	Коронация	309
33	Эдуард — король	329
	Закключение. Правосудие и расплата	343
	Примечания	349

Hugh Latimer, Bishop of Worcester, to Lord Cromwell, on the birth of the Prince of Wales (afterward Edward VI).

[From the National Manuscripts preserved by the British Government]

*Ryght honorable, Salutem in Christo Jesu, and Syr here ys no lesse joynge and rejossynge in thes partees for the byrth of our prynce, hoom we hungurde for so longe, then ther was (I trow), inter vicinos att the byrth of S. J. Baptyste, as thys berer, Master Erance, can telle you. Gode gyffe us alle grace, to yelde dew thankes to our Lorde Gode, Gode of Inglonde, for verely He hathe shoyd Hym selff Gode of Inglonde, or rather an Inglyssh Gode, yf we consydyr and pondyr welle alle Hys procedynges with us from tyme to tyme. He hath over cumme alle our yllnesse with Hys excedynge goodnesse, so that we are now moor then compellyd to serve Hym, seke Hys glory, promott Hys wurde, yf the Devylle of alle Devylles be natt in us. We have now the stoppe of vayne trustes ande the steý of vayne expectations; lett us alle pray for hys preservatione. Ande I for my partt wylle wyssh that hys Grace allways have, and evyn now from the begynynge, Governares, Instructores and offyceres of ryght jugmente, ne optimum ingenium non optima educatione deprevetur.**

Butt whatt a grett fowlle am I! So, whatt devotione shoyth many tymys butt lytelle dyscretion! Ande thus the Gode of Inglonde be ever with you in alle your procedynges.

The 19 of October.

Yours H. L. B. of Wurcestere, now att Hartlebury.

Yf you wolde excytt thys berere to be moore hartye ayen the abuse of ymagry or mor forward to promotte the veryte, ytt myght doo goode. Natt that ytt came of me, butt of your selffe, &c.

* *ne optimum ingenium non optima educatione deprevetur* — lest the best of wits is corrupted by a bad education (Latin).

Хью Латимер, епископ Вустерский, лорду Кромвелю, о рождении принца Уэльского (впоследствии Эдуарда VI).

[Из охраняемых Британским правительством национальных рукописей]

*Достопочтенный, приветствую во Христе Иисусе, и сэр здесь не менее радость и веселие у нас по случаю рождения нашего принца, коего так жаждали давно, как когда то было (я верю), меж соседи по рождении С. И. Крестителя, как податель сего, мастер Эранс, може свидетельствовати вам. Господь смилостивился, воздав по молитвах нашему Господу Богу, Богу Англии, ибо истинно Он, став сам Бог Англии, или скорше английский Господь, коли мы считаем и помышляем добром все его деяния с нами от време и до време. Он поборол наша недужность Своею безмерною добротою, так что теперь мы укрепились в служении Ему и должны служить Ему, искати славы Его, способствовати слову Его, ежели диавол диаволов будет сеть в нас. Отныне мы преграда тщетна вера и отмена тщетны ожидания; станем же все молиться о его сохранении. А что до мене, то пожелаю, дабы у его светлости всегда и даже с самого начала бы наставники, учителя со слуги вельми мудры, ne optimum ingenium non optima educatione deprevetur.**

Но сколь нескромен я мечтатель! Так что, как часто выказываема преданность смущае благоразумие! И пусть Бог Англии да пре буде всегда с вами во все ваше деяния.

Октября 19-го.

Ваш Х. Л. Е. Вустерский, теперь из Уотлбэри.

Когда бы вышло вам подателю сего сердечно утвердиться в содействии добры деяния, то было бы вперёд воистину на добрую пользу. И то не от меня но от вас, и др.

* *ne optimum ingenium non optima educatione deprevetur* — дабы лучший из умов не портить дурным образованием (лат.).

The quality of mercy...
 is twice bless'd;
It blesseth him that gives, and him that takes;
'Tis mightiest in the mightiest: it becomes
The throned monarch better than his crown.
 Merchant of Venice

PREFACE

I will set down a tale as it was told to me by one who had it of his father, which latter had it of *his* father, this last having in like manner had it of *his* father, and so on, back and still back, three hundred years and more, the fathers transmitting it to the sons and so preserving it. It may be history, it may be only a legend, a tradition. It may have happened, it may not have happened; but it *could* have happened. It may be that the wise and the learned believed it in the old days; it may be that only the unlearned and the simple loved it and credited it.

1 THE BIRTH OF THE PRINCE AND THE PAUPER

In the ancient city of London, on a certain autumn day in the second quarter of the sixteenth century, a boy was born to a poor family of the name of Canty, who did not want him. On the same day another English child was born to a rich family of the name of Tudor, who did want him. All England wanted him too. England had so longed for him, and hoped for him, and prayed God for him that now that he was really come, the people went nearly mad for joy. Mere acquaintances hugged and kissed each other and cried. Everybody took a holiday, and high and low, rich and poor, feasted and danced and sang, and got very mellow; and they kept this up for days and nights together. By day London was a sight to see, with gay banners waving from every balcony and housetop and splendid pageants marching along. By night it was again a sight to see, with its great bonfires at every corner and

В умении прощать...
 двойная благодать;
В нём счастлив и прощённый, и простивший;
Но тем сильнее оно в руках сильнейших:
Монарху же сей дар приличнее венца.
 Венецианский купец

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я изложу историю так, как поведал её мне тот, кто узнал её от своего отца, который раньше узнал её от *своего* отца, а последний точно так же узнал её от *своего* отца, и так далее, назад и ещё назад триста лет с чем-то отцы, передавая её сыновьям, её сохраняли. То ли это историческое событие, то ли просто сказка, предание. Она, возможно, была, а возможно, что и нет; но она *могла бы* быть. Может, умный образованный люд и верил в неё встарь; а может, лишь безграмотные простолюдины любили её да придавали ей значение.

1 РОЖДЕНИЕ ПРИНЦА И НИЩЕГО

В древнем городе Лондоне в один осенний день во второй четверти шестнадцатого века в бедной семье Кэнти родился мальчик, который был семье не нужен. В тот же день другой английский мальчик родился в богатом роду Тюдоров, которого очень ждали. И вся Англия ждала его. Англия так долго о нём мечтала, так надеялась, так молила за него Бога, что теперь, когда он наконец появился, народ почти обезумел от радости. Едва знакомые люди бросались друг другу в объятия, целовались, плакали. Всяк оставил работу, вельможа и простолюдин, богач и бедняк, и праздновал и плясал, пел и веселился; и длилось это дни и ночи. Днём в Лондоне было на что глянуть: яркие флаги по балконам и крышам, а улицами — пышные процессии. Ночью тоже было на что глянуть: всюду праздничные костры, вокруг которых пиروва-

its troops of revelers making merry around them. There was no talk in all of England but of the new baby, Edward Tudor, Prince of Wales, who lay lapped in silks and satins, unconscious of all this fuss, and not knowing that great lords and ladies were tending him and watching over him—and not caring either. But there was no talk about the other baby, Tom Canty, lapped in his poor rags, except among the family of paupers whom he had just come to trouble with his presence.

2 TOM'S EARLY LIFE

Let us skip a number of years.

London was fifteen hundred years old, and was a great town—for that day. It had a hundred thousand inhabitants—some think double as many. The streets were very narrow, and crooked, and dirty, especially in that part where Tom Canty lived, which was not far from London Bridge. The houses were of wood, with the second story projecting over the first, and the third sticking its elbows out beyond the second. The higher the houses grew, the broader they grew. They were skeletons of strong crisscross beams, with solid material between coated with plaster. The beams were painted red or blue or black, according to the owner's taste, and this gave the houses a very picturesque look. The windows were small, glazed with little diamond-shaped panes, and they opened outward on hinges like doors.

The house which Tom's father lived in was up a foul little pocket called Offal Court out of Pudding Lane. It was small, decayed, and rickety, but it was packed full of wretchedly poor families. Canty's tribe occupied a room on the third floor. The mother and father had a sort of bedstead in the corner; but Tom, his grandmother, and his two sisters, Bet and Nan, were not restricted—they had all the floor to themselves and might sleep where they chose. There were the remains of a blanket or two and some bundles of ancient and dirty straw, but these could not rightly be called beds, for they were not organized; they were kicked into a general pile mornings, and selections made from the mass at night for service.

Bet and Nan were fifteen years old—twins. They were good-hearted girls, unclean, clothed in rags, and profoundly ignorant. Their mother was like them. But the father and the grandmother

ли ватаги бражников. В Англии только и было разговоров что о новорождённом, Эдуарде Тюдоре, принце Уэльском, а он лежал себе, увитый в шелка и атлас, не подозревая об этой всей суматохе, и ведать не ведал, что знатные лорды и леди заботятся и пекутся о нём, — всё было ему ни по чём. И не говорили о другом младенце, Томе Кэнти, завернутом в бедняцкие лоскуты, нигде кроме как в его нищей семье, которой он лишь добавил хлопот.

2 РАННЕЕ ДЕТСТВО ТОМА

Пропустим несколько лет.

Лондону было пятнадцать веков, и на то время это был крупный город. В нём насчитывалось сто тысяч жителей, а некоторые полагают, что вдвое больше. Улицы были очень узкие, кривые и грязные, особо в той части, где жил Том Кэнти, вблизи Лондонского моста. Дома деревянные, вторые этажи выпирали над первыми, а третьи выставляли свои локти над вторыми. И чем выше дома росли, тем шире они раздавались. То были остовы из крепких вкривь и вкось сбитых законопаченных и оштукатуренных брёвен. Брёвна выкрашивали в красный, синий или чёрный цвет, в зависимости от вкуса хозяина, что делало дома весьма живописными. Небольшие окошки остеклялись маленькими ромбовидными осколками и открывались на петлях наружу, как двери.

Дом, где обитал отец Тома, находился в зловонном закоулке, называемом Сорный Двор, что за Колбасной улочкой. Домишко был махонький, прогнивший и хлипкий, но битком набитый гнусной швалью. Кэнти занимали комнату в третьем этаже. У отца с матерью в углу была типа кровать; но Том, бабушка и его сестры, Бэт и Нэн, ограничений не знали: весь пол был их, и они могли спать на выбор. Тут валялись остатки пары одеял да пучки старой грязной соломы, что нельзя было назвать постелью из-за её неорганизованности; всё сгребали в кучу поутру, и растаскивали из общей массы на ночь для сна.

Двойняшкам Бэт и Нэн было по пятнадцать лет. Добродушные девчушки, грязнули, в вечных лохмотьях, и полные неучи. Такой же была их мать. А вот отец и бабка —

were a couple of fiends. They got drunk whenever they could; then they fought each other or anybody else who came in the way; they cursed and swore always, drunk or sober; John Canty was a thief, and his mother a beggar. They made beggars of the children but failed to make thieves of them. Among, but not of, the dreadful rabble that inhabited the house was a good old priest whom the king had turned out of house and home with a pension of a few farthings, and he used to get the children aside and teach them right ways secretly. Father Andrew also taught Tom a little Latin and how to read and write, and would have done the same with the girls, but they were afraid of the jeers of their friends, who could not have endured such a queer accomplishment in them.

All Offal Court was just such another hive as Canty's house. Drunkenness, riot, and brawling were the order there every night and nearly all night long. Broken heads were as common as hunger in that place. Yet little Tom was not unhappy. He had a hard time of it, but did not know it. It was the sort of time that all the Offal Court boys had; therefore he supposed it was the correct and comfortable thing. When he came home empty-handed at night, he knew his father would curse him and thrash him first, and that when he was done the awful grandmother would do it all over again and improve on it, and that away in the night his starving mother would slip to him stealthily with any miserable scrap or crust she had been able to save for him by going hungry herself, notwithstanding she was often caught in that sort of treason and soundly beaten for it by her husband.

No, Tom's life went along well enough, especially in summer. He only begged just enough to save himself, for the laws against mendicancy were stringent and the penalties heavy; so he put in a good deal of his time listening to good Father Andrew's charming old tales and legends about giants and fairies, dwarfs and genii, and enchanted castles, and gorgeous kings and princes. His head grew to be full of these wonderful things, and many a night as he lay in the dark on his scant and offensive straw, tired, hungry, and smarting from a thrashing, he unleashed his imagination and soon forgot his aches and pains in delicious picturings to himself of the charmed life of a petted prince in a regal palace. One desire came in time to haunt him

сущая пара чертей. Они напивались, когда только могли; потом дрались друг с дружкой или с тем, кто подвернётся; сквернословили и богохульствовали всегда, пьяные или трезвые; Джон Кэнти был вор, а его мать — попрошайка. Они научили кланчить милостыню и детей, но сделать воров из них не сумели. Среди отвратительного сброда дома, но не принадлежа к нему, жил добрый старый священник, выкинутый королём со службы с нищенской пенсией в несколько фартингов, который привечал детей у себя и тайком наставлял на путь истинный. Отец Эндрю научил Тома немного латыни, а также читать и писать, и девочек научил бы тому же, но те боялись насмешек подруг, которые не перенесли бы в них столь необычное достоинство.

Весь Сорный Двор был таким же роем, что и дом Кэнти. Пьянки, дебош и уличные драки были там ежевечерней нормой и продолжались до утра. А проломленные головы были столь же обычны, что и пустые желудки. Но малыш Том не чувствовал себя несчастным. Жил он тяжело, но не понимал этого. Потому что все мальчишки Сорного Двора жили одинаково плохо; потому и считал это в порядке вещей. Когда вечером он возвращался домой ни с чем, то знал, что отец отругает его и поколотит первым, а когда закончит, то злая бабка сделает то же самое и куда круче, и что глубокой ночью его голодная мать тайком сунет ему нищенский сухарь или корку, что сумела припрятать для него, сама не евши, несмотря на то, что часто ловлена на этом преступлении и крепко за него бита собственным мужем.

Нет, Тому жилось неплохо, особенно летом. Он просил милостыню ровно настолько, чтобы спастись от побоев, ибо законы против нищенства были строги, а наказания тяжки; так что много времени он просиживал, слушая сказки доброго отца Эндрю о великанах и волшебниках, гномах и джинах, заколдованных замках, пышных королях и принцах. Голова его была полна всех этих чудес, и не одну ночь, лёжа в темноте на своей жидкой отвратительной соломе, уставший, голодный и побитый, он отпускал воображение и скоро забывал обиды и печали, рисуя приятные картины чудесной жизни изнеженного принца в королевском дворце.

day and night: it was to see a real prince, with his own eyes. He spoke of it once to some of his Offal Court comrades, but they jeered him and scoffed him so unmercifully that he was glad to keep his dream to himself after that.

He often read the priest's old books and got him to explain and enlarge upon them. His dreamings and readings worked certain changes in him by and by. His dream people were so fine that he grew to lament his shabby clothing and his dirt and to wish to be clean and better clad. He went on playing in the mud just the same, and enjoying it too; but instead of splashing around in the Thames solely for the fun of it, he began to find an added value in it because of the washings and cleansings it afforded.

Tom could always find something going on around the Maypole ² in Cheapside ³ and at the fairs; and now and then he and the rest of London had a chance to see a military parade when some famous unfortunate was carried prisoner to the Tower ⁴ by land or boat. One summer's day he saw poor Anne Askew ⁵ and three men burned at the stake in Smithfield ⁶ and heard an ex-bishop preach a sermon to them which did not interest him. Yes, Tom's life was varied and pleasant enough on the whole.

By and by Tom's reading and dreaming about princely life wrought such a strong effect upon him that he began to *act* the prince, unconsciously. His speech and manners became curiously ceremonious and courtly, to the vast admiration and amusement of his intimates. But Tom's influence among these young people began to grow now day by day, and in time he came to be looked up to by them, with a sort of wondering awe, as a superior being. He seemed to know so much! And he could do and say such marvelous things! And withal, he was so deep and wise! Tom's remarks and Tom's performances were reported by the boys to their elders; and these also presently began to discuss Tom Canty and to regard him as a most gifted and extraordinary creature. Full-grown people brought their perplexities to Tom for solution and were often astonished at the wit and wisdom of his decisions. In fact he was become a hero to all who knew him except his own family—these only saw nothing in him.

Privately, after a while, Tom organized a royal court! He was the prince; his special comrades were guards, chamberlains,

Им овладело, да так и не отпускало ни днём, ни ночью, одно желание: увидеть настоящего принца своими глазами. О чём он проговорился кому-то из Сорного Двора, но его подняли на смех и так зло издевались, что впредь он мечтал молча.

Он часто читал старые книги священника и просил его объяснить и растолковать непонятое. Мечты и чтение меняли в нём что-то мало-помалу. Вымышленные им люди были столь совершенны, что он стал тяготиться своим тряпьем и своей нечистоплотностью и захотел стать опрятным и лучше одетым. Он и дальше возился в грязи, и это нравилось; но вместо того, чтобы просто плескаться в Темзе забавы ради, он видел в этом ещё и пользу, ибо купание смывало грязь.

Том всегда мог чем-то поразвлечься у майского дерева ² на Чипсайд ³ и на ярмарках; иной раз ему и прочим лондонцам выпадало поглазеть на военный парад, когда какую-нибудь бездольную знаменитость препровождали в Тауэр ⁴ сушей или по воде. Раз летом он видел, как зажарили бедняжку Энн Эскью ⁵ и ещё троих на костре в Смитфилде, ⁶ и слышал, как некий экс-епископ читал им в назидание проповедь, но Тома она не тронула. Да, жизнь кипела и, в общем, была приятна.

Постепенно чтение и мечты о жизни принца настолько подействовали, что Том неосознанно стал *играть* в принца. Его речь и манеры обрели необычайную церемонность и изысканность, к превеликому восхищению и потехе закадычных приятелей. Но влияние Тома на сверстников возрастало с каждым днём, и с некоторых пор на него уже смотрели с восторженным почтением, словно на высшее существо. Он, казалось, так много знает! И способен на такие дивные речи и дела! И вообще, такой странный и умный! О высказываниях Тома, о поступках Тома мальчишки сообщали старшим; а те скоро заговорили о Томе Кэнти и стали относиться к нему, как к очень одарённому и весьма необычному пареньку. Взрослые шли к Тому со своими проблемами за советом и часто удивлялись взвешенности и мудрости его заключений. По сути, он превратился в героя для всех, кто его знал, кроме своих близких, — для них он был ничем.

Вскоре тайком Том завёл настоящий королевский двор! Он был принцем; а лучшие друзья — телохранителями,

equerries, lords and ladies-in-waiting, and the royal family. Daily the mock prince was received with elaborate ceremonials borrowed by Tom from his romantic readings; daily the great affairs of the mimic kingdom were discussed in the royal council; and daily his mimic highness issued decrees to his imaginary armies, navies, and viceroyalties.

After which, he would go forth in his rags and beg a few farthings, eat his poor crust, take his customary cuffs and abuse, and then stretch himself upon his handful of foul straw and resume his empty grandeurs in his dreams.

And still his desire to look just once upon a real prince in the flesh grew upon him, day by day, and week by week, until at last it absorbed all other desires and became the one passion of his life.

One January day, on his usual begging tour, he tramped despondently up and down the region round about Mincing Lane and Little East Cheap,⁷ hour after hour, barefooted and cold, looking in at cookshop windows and longing for the dreadful pork pies and other deadly inventions displayed there; for to him these were dainties fit for the angels; that is, judging by the smell they were, for it had never been his good luck to own and eat one. There was a cold drizzle of rain; the atmosphere was murky; it was a melancholy day. At night Tom reached home so wet and tired and hungry that it was not possible for his father and grandmother to observe his forlorn condition and not be moved —after their fashion; wherefore they gave him a brisk cuffing at once and sent him to bed. For a long time his pain and hunger and the swearing and fighting going on in the building kept him awake; but at last his thoughts drifted away to far, romantic lands, and he fell asleep in the company of jeweled and gilded princelings who lived in vast palaces and had servants salaaming before them or flying to execute their orders. And then as usual, he dreamed that *he* was a princeling himself.

All night long the glories of his royal estate shone upon him: he moved among great lords and ladies in a blaze of light, breathing perfumes, drinking in delicious music, and answering the reverent obeisances of the glittering throng as it parted to make way for him, with here a smile and there a nod of his princely head.

камергерами, конюхами, лордами, статс-дамами и членами королевского дома. Ежедневно мнимого принца встречали по торжественному церемониалу, взятому им из романтических книг; на королевском совете обсуждались важные дела потешного королевства; и ежедневно его потешное высочество издавал указы воображаемой армии, флоту и наместникам.

А после, в тех же лохмотьях, он шёл выпросить несколько фартиггов, съедал несчастную корку, получал порцию привычной брани и пинков, а после растягивался на пучке грязной соломы и обретал воображаемое величие в мечтах.

Однако желание глянуть хоть раз на настоящего принца во плоти росло день за днём и неделя за неделей, пока наконец не поглотило все иные желания и не стало единственной страстью в жизни.

В один январский день, прося как обычно милостыню, он несколько часов кряду, босой и продрогший, уныло бродил в районе Минсинг-Лэйн и Литл-Ист-Чип,⁷ жадно глаза на витрины харчевен с их жуткими свиными пирогами и прочими убийственными выдумками; они казались райскими деликатесами достойными ангелов; именно так, судя по источаемым запахам, ибо доселе ему ни разу не повезло их отведать. Моросил холодный дождь; висел сумрак; день был тоскливый. Запоздно Том добрался домой настолько промокший, усталый и голодный, что и отец с бабкой не смогли не заметить его отчаяние и не пожалеть его — по-своему; наскоро надавали подзатыльников и тут же отправили спать. Долго обида и голод, ругань и драки по всему дому не давали покоя; но наконец мысли его поплыли в далёкие, дивные края, и он крепко уснул в компании украшенных самоцветами и золотом принцев, живущих в просторных дворцах и окружённых слугами, благоговейно приветствующих или спешащих исполнить их приказания. А после, по обыкновению, снилось, что *он* и есть принц.

Всю ночь слава его королевского величия сияла над ним: он обретался среди лордов и знатных дам в блеске яркого света, вдыхая ароматы, упиваясь восхитительной музыкой и отвечая на почтительные поклоны расступающейся перед ним пышной толпы то улыбкой, то величественным кивком.

And when he awoke in the morning and looked upon the wretchedness about him, his dream had had its usual effect: it had intensified the sordidness of his surroundings a thousand-fold. Then came bitterness, and heartbreak, and tears.

3 TOM'S MEETING WITH THE PRINCE

Tom got up hungry, and sauntered hungry away, but with his thoughts busy with the shadowy splendors of his night's dreams. He wandered here and there in the city, hardly noticing where he was going or what was happening around him. People jostled him, and some gave him rough speech; but it was all lost on the musing boy. By and by he found himself at Temple Bar,⁸ the farthest from home he had ever traveled in that direction. He stopped and considered a moment, then fell into his imaginings again, and passed on outside the walls of London. The Strand⁹ had ceased to be a country road then and regarded itself as a street, but by a strained construction; for though there was a tolerably compact row of houses on one side of it, there were only some scattering great buildings on the other, these being palaces of rich nobles, with ample and beautiful grounds stretching to the river—grounds that are now closely packed with grim acres of brick and stone.

Tom discovered Charing Village presently and rested himself at the beautiful cross built there by a bereaved king of earlier days;¹⁰ then idled down a quiet, lovely road past the great cardinal's stately palace, toward a far more mighty and majestic palace beyond—Westminster. Tom stared in glad wonder at the vast pile of masonry, the wide-spreading wings, the frowning bastions and turrets, the huge stone gateway, with its gilded bars and its magnificent array of colossal granite lions, and the other signs and symbols of English royalty. Was the desire of his soul to be satisfied at last? Here indeed was a king's Palace. Might he not hope to see a prince now, a prince of flesh and blood, if heaven were willing?

At each side of the gilded gate stood a living statue, that is to say, an erect and stately and motionless man-at-arms clad from head to heel in shining steel armor. At a respectful distance were many country folk and people from the city waiting for any chance glimpse of royalty that might offer. Splendid carriages with

А утром, когда он проснулся и обозрел окружающую нищету, то приснившееся произвело обычное своё воздействие: тысячекратно усилило убожество его быта. И вот уже накатила горечь, и жалось сердце, и полились слёзы.

3 ВСТРЕЧА ТОМА С ПРИНЦЕМ

Том проснулся голодный и, не поев, поплёлся из дому, мысленно поглощённый призрачным великолепием своих сновидений. Он шатался, не замечая, куда идёт и что творится вокруг. Встречные толкались, а иные даже осыпали грубостью; но замечавшемуся парнишке всё было нипочём. Так он оказался у ворот Тэмпл-Бар,⁸ куда ещё так далеко от дома не забредал в эту сторону. Тут он стал, озираясь с минуту, но скоро вновь размечтался и вышел за стены Лондона. Уже тогда Стрэнд⁹ была не просёлочной дорогой, а считалась улицей, но с необычной архитектурой; ибо, хоть по одну её сторону и тянулся достаточно плотный ряд строений, то по другую высились лишь редкие домины и дворцы вельмож с обширными великолепными землями, спускающимися к самой реке, — землями, которые теперь сплошь застроены тесно стоящими домами из кирпича и камня.

Том добрался до селения Чаринг и отдохнул у красивого креста, воздвигнутого когда-то овдовевшим монархом;¹⁰ и зашагал тихой чудной дорогой мимо роскошной резиденции кардинала к более могущественному и пышному дворцу — Вэстминстерскому. В радостном восторге обозревал он эту твердыню, её широко раскинутые крылья, грозные бастионы и башни, громадные каменные ворота с золочёной решёткой и величественным строем массивных гранитных львов, прочие знаки и символы державной власти. Неужто сбудется заветная мечта? Это же королевский дворец. Мог он не желать увидеть принца, настоящего, если на то воля небес?

По обе стороны золочёных ворот стояли живые статуи, то бишь, стройные, величавые и неподвижные стражники, с головы до пят закованные в слепящие стальные доспехи. На почтительном расстоянии толпились селяне и горожане в ожидании случайного появления хоть кого из королевской

splendid people in them and splendid servants outside were arriving and departing by several other noble gateways that pierced the royal enclosure.

Poor little Tom, in his rags, approached and was moving slow and timidly past the sentinels, with a beating heart and a rising hope, when all at once he caught sight through the golden bars of a spectacle that almost made him shout for joy. Within was a comely boy, tanned and brown with sturdy outdoor sports and exercises, whose clothing was all of lovely silks and satins, shining with jewels—at his hip a little jeweled sword and dagger, dainty buskins on his feet, with red heels, and on his head a jaunty crimson cap with drooping plumes fastened with a great sparkling gem. Several gorgeous gentlemen stood near—his servants, without a doubt. Oh! He was a prince—a prince, a living prince, a real prince—without the shadow of a question; and the prayer of the pauper-boy’s heart was answered at last.

Tom’s breath came quick and short with excitement, and his eyes grew big with wonder and delight. Everything gave way in his mind instantly to one desire: that was to get close to the prince and have a good, devouring look at him. Before he knew what he was about, he had his face against the gate bars. The next instant one of the soldiers snatched him rudely away and sent him spinning among the gaping crowd of country gawks and London idlers.

The soldier said, “Mind thy manners, thou young beggar!”

The crowd jeered and laughed, but the young prince sprang to the gate with his face flushed and his eyes flashing with indignation and cried out, “How dar’st thou use a poor lad like that! How dar’st thou use the king my father’s meanest subject so! Open the gates and let him in!”

You should have seen that fickle crowd snatch off their hats then. You should have heard them cheer and shout, “Long live the Prince of Wales!”

The soldiers presented arms with their halberds, opened the gates, and presented again as the little Prince of Poverty passed in, in his fluttering rags, to join hands with the Prince of Limitless Plenty.

Edward Tudor said, “Thou lookest tired and hungry: thou’st been treated ill. Come with me.”

семьи. Нарядные экипажи с нарядными господами и столь же нарядными слугами на запятках въезжали и выезжали через многочисленные великолепные ворота дворцовой ограды.

Бедный маленький Том, в лохмотьях, подошёл и с замиранием сердца с надеждой робко двигался мимо стражи, когда сквозь золочёные прутья увидел то, что едва не заставило вскрикнуть от радости. Внутри стоял красивый мальчик, загорелый от подвижных игр и упражнений на воздухе, в шелках и атласе, блиставших самоцветами, — на боку его красовались маленькие, усыпанные камнями, шпага и кинжал, на ногах были изящные, на красных каблучках, шнурованные башмачки, а на голове — изысканная малиновая шапочка с ниспадавшими перьями, скреплёнными крупной искрящейся геммой. Рядом стояли пышные господа, явно его слуги. О! Это принц, живой настоящий принц — вне всяких сомнений; наконец молитва мальчика-нищего услышана.

Дыхание Тома участилось от возбуждения, а его глаза расширились от удивления и восторга. Тут же все его мысли заслонило одно желание: приблизиться к принцу и получше его разглядеть. Не отдавая себе отчёта, он вжался лицом между прутьев ворот. Немедленно один из солдат грубо схватил его и отшвырнул волчком в глазающую толпу деревенских простофиль и городских лоботрясов.

Да ещё и рявкнул: «Смотри, куда прёшь, попрошайка!»

Толпа взвыла и заржала, но юный принц, с пылающим лицом и гневно сверкающим взором, подлетел к воротам и выкрикнул: «Не смей обращаться так с простым пареньком! Не смей обращаться так даже с самым последним из подданных моего отца короля! Открой ворота ипусти его!»

Вы бы видели, как переменчивая толпа обнажила головы тут же! Вы бы слышали, как понеслось оттуда радостное: «Да здравствует принц Уэльский!»

Отсалютовав алебардами, солдаты открыли ворота и снова отсалютовали, когда мимо, в развевающихся лохмотьях, проследовал маленький принц нужды, чтобы встретиться в рукопожатии с принцем бесконечного достатка.

Эдуард Тюдор сказал: «Ты, видно, устал и голоден. И с тобой грубо обошлись. Пойдём со мной».

Half a dozen attendants sprang forward to—I don't know what; interfere, no doubt. But they were waved aside with a right royal gesture, and they stopped stock-still where they were, like so many statues. Edward took Tom to a rich apartment in the palace, which he called his cabinet. By his command a repast was brought such as Tom had never encountered before except in books. The prince, with princely delicacy and breeding, sent away the servants so that his humble guest might not be embarrassed by their critical presence; then he sat nearby and asked questions while Tom ate.

“What is thy name, lad?”

“Tom Canty,¹¹ an' it please thee, sir.”

“ ‘Tis an odd one. Where dost live?”

“In the city, please thee, sir. Offal Court, out of Pudding Lane.”

“Offal Court! Truly 'tis another odd one. Hast parents?”

“Parents have I, sir, and a grandam likewise that is but indifferently precious to me—God forgive me if it be offense to say it—also twin sisters, Nan and Bet.”

“Then is thy grandam not over kind to thee, I take it.”

“Neither to any other is she, so please your Worship. She hath a wicked heart and worketh evil all her days.”

“Doth she mistreat thee?”

“There be times that she stayeth her hand, being asleep or overcome with drink; but when she hath her judgment clear again, she maketh it up to me with goodly beatings.”

A fierce look came into the little prince's eyes, and he cried out, “What! Beatings?”

“Oh, indeed, yes, please you, sir.”

“*Beatings!* And thou so frail and little. Hark ye; before the night come she shall hie her to the Tower. The king my father—”.

“In sooth, you forget, sir, her low degree. The Tower is for the great alone.”

“True, indeed. I had not thought of that. I will consider of her punishment. Is thy father kind to thee?”

“Not more than Gammer Canty, sir.”

“Fathers be alike, mayhap. Mine hath not a doll's temper. He smiteth with a heavy hand, yet spareth me; he spareth me not always with his tongue, though, sooth to say. How doth thy mother use thee?”

С полдюжины слуг ринулись вперёд — уж и не знаю зачем; явно, вмешаться. Но были отстранены истинно королевским взмахом руки, да так и застыли на месте, что те статуи. Принц привёл Тома в богато убранную комнату, которую назвал своим кабинетом. По его велению принесли яства, которые Том прежде встречал разве что только в книжках. Эдуард, с подобающей принцу деликатностью и воспитанностью, выпроводил лакеев, чтобы его скромный гость не смущался под их укоризненными взглядами; после чего устроился рядом и, пока Том ел, стал расспрашивать.

— Как звать тебя, мальчик?

— Том Кэнти,¹¹ осмелюсь вам доложить.

— Странно звучит. Где ты живёшь?

— В городе. На Сорном Дворе, за Колбасным проулком.

— Сорный Двор! И опять странно звучит. Есть родители?

— Да, сэр, и ещё есть бабка, которая мне не очень дорога, прости, Господи, если грех так говорить, — и сестрёнки-близняшки, Нэн и Бэт.

— Твоя бабка не очень к тебе добра, я думаю.

— Так же, как не добра ко всякому другому, если угодно вашей милости. У неё злое сердце, и зло она творит всегда.

— Она тебя обижает?

— Бывает, что она не распускает руки, когда спит или когда свалится пьяная; но только у неё в голове светлеет, так она принимается колотить меня как следует.

Взгляд юного принца стал строгим, и он воскликнул:

— Что! Колотить?!

— Ну да, смею доложить, сэр.

— *Колотить!* Такого слабого и маленького. Слушай же; ещё до захода солнца висеть ей в Тауэре. Мой отец король...

— По правде, вы забыли, сэр, её низкое звание. Тауэр только для знатных.

— Верно, да. Это я не учёл. Я подумаю, как её покарать. Твой отец добр к тебе?

— Не добрей бабки Кэнти, сэр.

— Отцы, видно, все одинаковы. И мой не ангельского нрава. Рука у него тяжёлая, но меня жалеет. Хотя на брань, по правде, скупится редко. А как с тобой обходится твоя мать?

“She is good, sir, and giveth me neither sorrow nor pain of any sort. And Nan and Bet are like to her in this.”

“How old be these?”

“Fifteen, an’ it please you, sir.”

“The lady Elizabeth, my sister, is fourteen, and the lady Jane Grey, my cousin, is of mine own age, and comely and gracious withal; but my sister the lady Mary, with her gloomy mien and— Look you; do thy sisters forbid their servants to smile, lest the sin destroy their souls?”

“They? Oh, dost think, sir, that *they* have servants?”

The little prince contemplated the little pauper gravely a moment, then said, “And prithe, why not? Who helpeth them undress at night? Who attireth them when they rise?”

“None, sir. Wouldst have them take off their garment and sleep without—like the beasts?”

“Their garment! Have they but one?”

“Ah, good your Worship, what would they do with more? Truly they have not two bodies each.”

“It is a quaint and marvelous thought! Thy pardon, I had not meant to laugh. But thy good Nan and thy Bet shall have raiment and lackeys enow, and that soon too; my cofferer shall look to it. No, thank me not; ‘tis nothing. Thou speakest well; thou hast an easy grace in it. Art learned?”

“I know not if I am or not, sir. The good priest that is called Father Andrew taught me, of his kindness, from his books.”

“Knowst thou the Latin?”

“But scantly, sir, I doubt.”

“Learn it, lad; ‘tis hard only at first. The Greek is harder; but neither these nor any tongues else, I think, are hard to the lady Elizabeth and my cousin. Thou shouldst hear those damsels at it! But tell me of thy Offal Court. Hast thou a pleasant life there?”

“In truth, yes, so please you, sir, save when one is hungry. There be Punch-and-Judy shows,¹² and monkeys—oh, such antic creatures, and so bravely dressed!—and there be plays wherein they that play do shout and fight till all are slain, and ‘tis so fine to see, and costeth but a farthing, albeit ‘tis main hard to get the farthing, please your Worship.”

— Она добра, сэр, и не причиняет мне ни горя, ни каких-либо иных обид. И Нэн с Бэт в этом на неё похожи.

— Какого они возраста?

— Им по пятнадцать, с вашего разрешения, сэр.

— Леди Елизавете, моей сестре, четырнадцать, а леди Джейн Грэй, кухне, сколько и мне, и к тому же они симпатичны и добры. А вот сестрица леди Мэри с вечно хмурой миной и... Послушай, твои сёстры запрещают своим служанкам улыбаться, чтобы грех не погубил их души?

— Они? О, вы полагаете, сэр, что у *них* есть служанки?

Мгновение юный принц серьёзно смотрел на маленького нищего, после чего молвил:

— Скажи на милость, как же они обходятся? Кто помогает раздеваться на ночь? Кто одевает их, когда они встают?

— Никто, сэр. Хотите, чтоб они скидывали своё платье и спали голые, как звери?

— Своё платье! Их разве у них по одному?

— Ах, ваша милость, да что ж им делать бы с другими? Ведь у каждой не по два тела.

— Смешно и остроумно! Прости, я не думал над тобой смеяться. У твоих добрых сестёр достаточно будет платьев и слуг и скоро: мой казначей позаботится. Не благодари, это пустяки. Ты хорошо говоришь, легко и красиво. Учился?

— Не знаю даже, учился или нет, сэр. Добрый священник, отец Эндрю, из милости обучал меня по своим книгам.

— Ты знаешь латынь?

— Совсем немного, сэр.

— Учи латынь! Она трудна лишь поначалу. Греческий сложнее; И эти, и вообще любые языки легко даются моей кухне и леди Елизавете. Слышал бы ты, как эти дамсики щебечут! Но расскажи о своём Сорном Дворе. Весело там?

— Честно, да, если позволите, сэр, только, если не голоден. Там бывают представления Панча и Джуди,¹² и обезьянок, ой, такие смешные зверушки и так пёстро разодеты! И бывают пьески, где они кричат и дерутся, пока не упадут замертво, и это так забавно видеть, и стоит всего фартинг, только его бывает трудно раздобыть, доложу вашей милости.

“Tell me more.”

“We lads of Offal Court do strive against each other with the cudgel, like to the fashion of the ‘prentices, sometimes.”

The prince’s eyes flashed. Said he, “Marry, that would not I mislike. Tell me more.”

“We strive in races, sir, to see who of us shall be fleetest.”

“That I would like also. Speak on.”

“In summer, sir, we wade and swim in the canals and in the river, and each doth duck his neighbor, and spatter him with water, and dive and shout and tumble and—”

“‘Twould be worth my father’s kingdom but to enjoy it once! Prithee go on.”

“We dance and sing about the Maypole in Cheapside; we play in the sand, each covering his neighbor up; and times we make mud pastry—oh, the lovely mud, it hath not its like for delightfulness in all the world!—we do fairly wallow in the mud, sir, saving your worship’s presence.”

“Oh, prithee say no more; ‘tis glorious! If that I could but clothe me in raiment like to thine, and strip my feet, and revel in the mud once, just once, with none to rebuke me or forbid, meseemeth I could forgo the crown!”

“And if that I could clothe me once, sweet sir, as thou art clad, just once—”

“Oho, wouldst like it? Then so shall it be. Doff thy rags and don these splendors, lad! It is a brief happiness, but will be not less keen for that. We will have it while we may, and change again before any come to molest.”

A few minutes later the little Prince of Wales was garlanded with Tom’s fluttering odds and ends, and the little Prince of Pauperdom was tricked out in the gaudy plumage of royalty. The two went and stood side by side before a great mirror, and lo, a miracle: there did not seem to have been any change made! They stared at each other, then at the glass, then at each other again. At last the puzzled princeling said, “What dost thou make of this?”

“Ah, good your worship, require me not to answer. It is not meet that one of my degree should utter the thing.”

“Then will I utter it. Thou hast the same hair, the same eyes, the same voice and manner, the same form and stature, the same face

— Рассказывай дальше.

— Ну, мы ребята с Сорного Двора, иногда бьёмся друг с дружкой на палках, на манер ремесленных подмастерьев.

Глаза принца загорелись, и у него вырвалось:

— Ну от этого и я бы не отказался. Рассказывай дальше.

— Мы бегаем наперегонки, сэр, кто из нас кого быстрее.

— Мне и это понравилось бы. Продолжай.

— Летом, сэр, мы купаемся и плаваем в каналах и на реке, и каждый топит понарошку своего соседа, ныряет и кричит, и прыгает...

— За это стоило бы отдать королевство моего отца, лишь бы однажды так позабавиться! Прошу, продолжай.

— А ещё мы поём и танцуем вокруг майского дерева на Чипсайд; играемся в песке, закапывая друг друга; иногда лепим из грязи пироги, — о, эта чудесная грязь, в мире нет другой её чудесней! Мы просто вываливаемся в грязи, сэр, не в обиду вам будет сказано.

— О, прошу, ни слова больше; великолепно! Если бы мне одеться так, как ты, разуться и поваляться в грязи разок, всего разок, и чтобы никто не ругал меня или запрещал, то я, кажется, отдал бы и корону!

— А мне если б хоть раз одеться, сэр, как вы, один лишь раз...

— Да, правда? Что ж, так тому и быть. Сбрасывай свои лохмотья и надевай этот лоск! Недолгая радость, но оттого ничуть не меньшая. Развлечёмся, как сумеем, и снова переоденемся, пока никто не помешал.

Через несколько минут юный принц Уэльский натянул тряпье Тома, а маленький принц Нищebroдов облачился в яркое королевское оперенье. Оба подошли к зеркалу и — о чудо: казалось, не было и вовсе перемены! Они пристально посмотрели друг на друга, потом снова в зеркало, после вновь друг на друга. Наконец смущённый принц спросил:

— Что ты на это скажешь?

— Ах, ваша милость, не требуйте от меня ответа. Не моего звания человеку говорить о подобных вещах.

— Тогда скажу я. У тебя такие же волосы, глаза, такой же голос и жесты, такая же фигура и рост, такое же лицо и

and countenance that I bear. Fared we forth naked, there is none could say which was you, and which the Prince of Wales. And now that I am clothed as thou wert clothed, it seemeth I should be able the more nearly to feel as thou didst when the brute soldier— Hark ye, is not this a bruise upon your hand?”

“Yes; but it is a slight thing, and your Worship knoweth that the poor man-at-arms—”

“Peace! It was a shameful thing and a cruel!” cried the little prince, stamping his bare foot. “If the king— Stir not a step till I come again! It is a command!”

In a moment he had snatched up and put away an article of national importance that lay upon a table, and was out at the door and flying through the palace ground in his bannered rags, with a hot face and glowing eyes. As soon as he reached the great gate, he seized the bars and tried to shake them, shouting, “Open! Unbar the gates!”

The soldier that had maltreated Tom obeyed promptly; and as the prince burst through the portal, half smothered with royal wrath, the soldier fetched him a sounding box on the ear that sent him whirling to the roadway and said, “Take that, thou beggar’s spawn, for what thou got’st me from his Highness!”

The crowd roared with laughter. The prince picked himself out of the mud and made fiercely at the sentry, shouting, “I am the Prince of Wales, my person is sacred; and thou shalt hang for laying thy hand upon me!”

The soldier brought his halberd to a present arms and said mockingly, “I salute your gracious Highness.” Then angrily, “Be off, thou crazy rubbish!”

Here the jeering crowd closed around the poor little prince and hustled him far down the road, hooting him and shouting, “Way for his royal Highness! Way for the Prince of Wales!”

4 THE PRINCE'S TROUBLES BEGIN

After hours of persistent pursuit and persecution, the little prince was at last deserted by the rabble and left to himself. As long as he had been able to rage against the mob, and threaten it royally, and royally utter commands that were good stuff to laugh

мика. Выйди мы нагишом, и никто бы не отличил тебя от принца Уэльского. И теперь, когда я в твоей одежде, кажется, мне легче понять то, что ты чувствовал, когда грубый солдафон... Поймай, у тебя на руке синяк?

— Да ну; пустячный, и ваша милость знает, бедолага часовой...

— Молчи! Он поступил грубо и недостойно! — вскричал принц, топнув босой ногой. — Если король... Будь здесь, пока я не вернусь! Это приказ!

В мгновение ока он схватил со стола и спрятал какой-то предмет государственной важности и, вылетев из кабинета, в развешивающихся лохмотьях мчался уже через дворцовую лужайку с пылающим лицом и сверкающими глазами. Добежав до главных ворот, он ухватился за прутья ограды и, дергая их, вскричал: «Открывай! Отвори ворота!»

Обидевший Тома солдат повиновался немедленно; и лишь только принц выбежал из портала, задыхаясь от монаршего гнева, солдат наградил его звонким шлепком по уху, от которого тот кубарем вылетел на дорогу, и рывкнул:

— Получай, нищенский выродец, за то, что мне досталось из-за тебя от их Высочества!

Толпа взорвалась от хохота. Принц поднялся из грязи на ноги и в гневе пошёл на часового, восклицая:

— Я принц Уэльский, моя персона священна; и ты будешь повешен за то, что поднял на меня руку!

Солдат отдал ему честь алебардой и съязвил:

— Приветствую ваше милостивое Высочество! — и уже зло добавил: — Пшёл вон, грязный придурок!

Ржущая толпа окружила несчастного маленького принца и погнала его по дороге с гиканьем и выкрикивая: «Дорогу королевскому Высочеству принцу Уэльскому!»

4 НАЧАЛО НЕВЗГОД ПРИНЦА

После нескольких часов погони и преследования чернь отцепилась наконец от подростка-принца, оставив его в покое. Пока он мог яростно отбиваться от толпы и грозить ей королевской немилостью, по-королевски отдавая приказы, это вызывало

at, he was very entertaining; but when weariness finally forced him to be silent, he was no longer of use to his tormentors and they sought amusement elsewhere. He looked about him now but could not recognize the locality. He was within the city of London—that was all he knew. He moved on aimlessly, and in a little while the houses thinned and the passersby were infrequent. He bathed his bleeding feet in the brook which flowed then where Farringdon Street¹³ now is, rested a few moments, then passed on, and presently came upon a great space with only a few scattered houses in it and a prodigious church. He recognized this church. Scaffoldings were about everywhere, and swarms of workmen, for it was undergoing elaborate repairs. The prince took heart at once; he felt that his troubles were at an end now. He said to himself, “It is the ancient Grey Friars’ Church, which the king my father hath taken from the monks and given for a home forever for poor and forsaken children, and new-named it Christ’s Church. Right gladly will they serve the son of him who hath done so generously by them, and the more that that son is himself as poor and as forlorn as any that be sheltered here this day, or ever shall be.”

He was soon in the midst of a crowd of boys who were running, jumping, playing at ball and leapfrog, and otherwise disporting themselves, and right noisily too. They were all dressed alike, and in the fashion which in that day prevailed among servingmen and ‘prentices’*—that is to say, each had on the crown of his head a flat black cap about the size of a saucer, which was not useful as a covering, it being of such scanty dimensions; neither was it ornamental; from beneath it the hair fell, unparted, to the middle of the forehead, and was cropped straight around; a clerical band at the neck; a blue gown that fitted closely and hung as low as the knees or lower; full sleeves; a broad red belt; bright-yellow stockings, gartered above the knees; low shoes with large metal buckles. It was a sufficiently ugly costume.

The boys stopped their play and flocked about the prince, who said with native dignity, “Good lads, say to your master that Edward, Prince of Wales, desireth speech with him.”

* See note 1 at end of volume.

смех, и он казался очень потешным; но когда усталость всё же вынудила его умолкнуть, он стал мучителям неинтересен, и те направились на поиск новых развлечений. Тут принц осмотрелся, но эту местность он не знал. Знал он только то, что находится в Лондоне. Он двинулся наугад, и скоро дома и прохожие пошли на убыль. Он опустил свои сбитые в кровь ноги в ручей, протекавший там, где теперь улица Фаррингдон,¹³ чуть передохнул, пошёл вперёд и вышел на большой пустырь с разбросанными на нём несколькими домиками и громадной церковью. Церковь он узнал. Она была сплошь в лесах с множеством копошившихся там строителей, занятых её перестройкой. Принц сразу приободрился; он ощутил, что злключениям конец. Про себя он подумал: «Старинная церковь Серых Монахов, которую отец забрал и отдал под приют навечно для бедных и брошенных детей, назвав его Христовой Обителью. Уж они-то с радостью выручат сына того, кто так великодушно к ним отнёсся, тем паче, что сейчас этот его сын и сам в нужде и брошен, как те, кому здесь дали и ещё дадут приют».

Вскоре он оказался в гуще мальчиков, которые бегали, прыгали, играли в мяч и горелки и вообще забавлялись, как могли, и страшно шумели. Одеты все они были одинаково, по тогдашней моде слуг и подмастерьев,* — у каждого на макушке красовалась плоская чёрная шапочка размером с блюдце, совершенно бесполезная как головной убор из-за своей ничтожной величины; не служила она и украшением; волосы из под неё без пробора доходили до середины лба и были подстрижены в кружок; шея охвачена воротником, как у духовных лиц; синяя облегающая сутана до колен или ниже; полный рукав; на талии широкий красный пояс; ярко-жёлтые чулки с подвязками выше колен; туфли на низком каблуке с большими металлическими пряжками. Довольно нелепый костюм.

Мальчики оставили игры и сгрудились вокруг принца, который с врождённым достоинством произнёс:

— Добрые ребята, передайте вашему наставнику, что Эдуард, принц Уэльский, желает говорить с ним.

* См. прим. 1 в конце книги.